

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Б. В. АНАНЬИЧ (Россия) – сопредседатель Совета
М. ЭМАР (Франция) – сопредседатель Совета
А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)
Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ (Россия)
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (Россия)
П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)
А. П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)
Н. А. МАКАРОВ (Россия)
Р. М. МУНЧАЕВ (Россия)
Е. И. ПИВОВАР (Россия)
У. РОЗЕНБЕРГ (США)
Р. Б. РЫБАКОВ (Россия)
А. Н. САХАРОВ (Россия)
Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ (Россия)
В. А. ТИШКОВ (Россия)
Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)
А. А. ФУРСЕНКО (Россия)
Л. ХЕЙМСОН (США)
М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)
А. О. ЧУБАРЬЯН (Россия)
Ю. ШЕРРЕР (Франция)
В. Л. ЯНИН (Россия)

Исторические Записки

11 (129)

Ответственный редактор
академик Б. В. АНАНЬИЧ

МОСКВА НАУКА 2008

А.И.Сапожников

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В РУССКОЙ АРМИИ В 1812 ГОДУ

Участие в Отечественной войне 1812 года принесло донскому казачеству европейскую известность, прежде всего благодаря удачным действиям на заключительном этапе войны, во время преследования армии Наполеона. После этого военная терминология обогатилась новым словом «hugrah», означающим внезапную атаку казаков. Император Александр I по завершении войны дал действиям казаков лаконичную и емкую оценку: «Имя их сделалось страшно неприятелю»¹. Подтверждение этому можно найти в мемуарах офицеров армии Наполеона, для многих из которых бородатый казак, вооруженный пикой, стал знаковой фигурой трагедии, постигшей их в России.

Несмотря на наличие обширной историографии, посвященной участию донских полков в Отечественной войне 1812 года, внимания историков остался вопрос о том, какое место занимали эти полки в русской армии. Были они ее органичной и неотделимой частью или же представляли собой достаточно обособленные соединения? Вопрос этот далеко не праздный, что подтверждают некоторые события 1812 года, о которых историки до последнего времени предпочитали умалчивать.

Казачьи полки принадлежали к нерегулярным частям русской армии, куда также входили различные национальные формирования из народов, населявших Российскую империю (башкиры, калмыки, татары, тептяри и др.). Известен количественный состав всей русской армии на 1805 г., когда началась череда войн России с наполеоновской Францией: гвардия — 11 472 чел.; армия — 341 287 чел.; казачьи и другие нерегулярные войска — 110 215 чел. (в том числе 47 959 донских казаков).

Каждый десятый боец русской армии принадлежал к донским казакам. Состав русской кавалерии в тот период был следующим: гвардейская кавалерия — 3 052 чел.; армейская кавалерия — 46 553 чел.; казачьи и другие нерегулярные войска — 110 215 чел. (в том числе 47 959 донских казаков)². Малочисленность регулярной кавалерии, составлявшей седьмую часть от всего состава, компенсировалась казачьими войсками, из которых наибольшее количество полков выставляло Войско Донское. Таким образом, каждый третий кавалерист в начале XIX в. являлся донским казаком. Эти цифры говорят о том, что полки Войска Донского составляли достаточно значимую силу в русской армии.

Военная служба донских полков в начале XIX в. основывалась более на традициях, нежели на законодательных актах. В начале

своего атаманства М.И. Платов попытался ее регламентировать, и по его представлениям император подписал несколько указов, однако последовательной системы создано не было.

В 1802 г. на службе находилось более 40 тыс. донских казаков, что позволяло Войску выставить в случае необходимости 80 полков пятисотенного состава. Офицерские чины жаловались императором по представлению войскового атамана, в военное время представление мог подать командующий армией или корпусом. Офицеры, прослужившие менее 15 лет на удалении более 100 верст от своих жилищ и способные к службе, были лишены права подавать прошение об отставке. Казаки могли получить отставку после 25 лет службы. Отставка всем донским офицерам и казакам давалась с условием в случае необходимости продолжить службу. Исключение делалось только для офицеров и казаков неспособных к службе из-за полученных ран, возраста или болезней. Офицерам и казакам, откомандированным от жилищ далее 100 верст, было положено содержание: штаб- и обер-офицерам жалование и рационы по штату армейских гусарских полков; полковому писарю 30 рублей в год и провиант соответственно должности; казакам жалование 12 рублей в год и провиант как солдатам. Казакам в зимние месяцы, в зависимости от климатического пояса от 6 до 8 месяцев, выдавали каждому фураж на две лошади: на одну лошадь натурой; на другую деньгами по местным ценам³.

31 августа 1803 г. по указу императора донские полки получили новое штатное расписание: один полковник, пять есаулов, пять сотников, пять хорунжих, по одному квартирмейстеру и писарю, десять урядников (пять старших и пять младших), 550 казаков — всего 578 человек. Во время нахождения донских полков на службе (далее 100 верст от своих жилищ) пять старших урядников получали жалование по 38 рублей, пять младших урядников — по 17 рублей в год⁴. Кроме того, был установлен двухгодичный срок службы донских полков на Кавказской линии и в Грузии⁵. Однако из-за непрекращающихся войн установленный срок службы не выдерживался, и десятилетняя служба стала обычным делом.

Основные функции казачьих полков заключались в содержании аванпостов, разведке и обеспечении безопасности армии во время переходов, преследовании противника. С этими задачами они справлялись лучше регулярной легкой кавалерии. Зачастую казаки превосходили регулярных кавалеристов и в личном противоборстве. Современники объясняли это тем, что казаки имели навык обращения с лошадьо с малолетства и были от природы отличными наездниками. Солдатам же регулярной кавалерии приходилось вырабатывать его во время службы, путем многолетних упражнений.

Службу на аванпостах казаки несли своим особым способом, благодаря чему менее уставали от нее, нежели регулярная кавалерия. Цепь казачьих аванпостов состояла из «бекетов» (группы из шести казаков), двое из которых находились на посту, а четверо

казаков отдыхали. В версте позади них находились две или три заставы (группы от 8 до 15 казаков). Резервом для бекетов и застав служила сотня, размещавшаяся в версте от них. Из сотни по различным направлениям рассылались партии, которые казаки называли «эртаулами». Одна казачья сотня могла растянуть линию аванпостов на пять верст, регулярной кавалерии для этого требовалось два с половиной эскадрона. Служба на аванпостах была для казаков привычным занятием, а для регулярной кавалерии бременем и быстро приводила ее в изнурение.

Основным видом построения регулярной кавалерии в эпоху Наполеоновских войн выступал «строй». Сплоченные ряды конников позволяли одолеть более многочисленного противника, не имевшего должной выучки. Казачьи полки, будучи нерегулярной конницей, строя не знали; современники писали, что казаки ходили в атаку «кучей» или «толпой». Но казаки выработали свою тактику противоборства с регулярной кавалерией, которую лучше всего описал в своих мемуарах капитан прусских улан Ганцауге. Этот офицер был прикомандирован к донскому полку Быхалова 1-го и оставил сообщение о его действиях в стычке при Люкенвальде летом 1813 г. Во время рекогносцировки полк Быхалова 1-го приблизился к городу, навстречу ему выступил отряд французской кавалерии. Французы построились в сомкнутую эскадронную колонну, с фланкерами на флангах. Плотной сомкнутыми рядами, чтобы не дать казакам прорваться в интервалы, они двинулись рысью на центр казачьей лавы (построение в одну шеренгу), которая расступилась перед ними и французы попали как бы в пустоту. Затем казаки атаковали тыл и фланги французской колонны. Неприятелю пришлось прекратить движение вперед, поскольку они не встречали с фронта никакого сопротивления. Воспользовавшись этим, казаки обстреливали противника из ружей и кололи пиками фланговые ряды. Выстрелы в сомкнутые ряды французов давали гораздо больший эффект, нежели ответный огонь по рассыпавшимся одиночным казакам. Защищаясь, фланговые ряды французов повернулись к казакам лицом и образовали некое подобие каре, отстреливаясь от наседавших казаков. Спасли французскую кавалерию из затруднительного положения лишь подоспевшие на помощь пехота и артиллерия⁶.

В арьергардных боях казаки проявили себя мастерами устраивать различные засады, добиваясь подавляющего превосходства в силах на поле сражения. Классическими образцами таких засад, называемых казаками «вентерь», являются бои при местечках Мире и Романове во время отступления русской армии летом 1812 г. Успешно казаки использовали такой фактор, как внезапность, особенно при ночных нападениях на неприятельские бивуаки. В преследовании расстроенного противника казакам, вооруженным пиками, не имелось равных. Пиконосная кавалерия в эпоху Наполеоновских войн, когда армии еще вооружались кремневым огнестрельным оружием, играла важную роль.

Отчет о состоянии Войска Донского за июнь 1812 года. Учинен июля 1-го дня 1812-го года (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. А. 3034. Л. 58)

	Из того числа											
	По списку сос-тоит	в полках и командах	в Атаманском полку	в отпуску	у заготовления для переселения на другое место города Черкаска материков	у содержания на земле Войска Донского почт, кордонов и караулов	в разных по войску должностях	оставленных на Дону из Атаманского полка по выслужению лет и болезням	под судом	в срочных льготах: за церковным строением, пожарным разорением и другим причинам	больших	затем на отряд в службу
Генерал от кавалерии	1	1										1
Генерал-лейтенантов	9	7		1								7
Генерал-майоров	25	14	1		1							10
Полковников	38	24		1								24
Подполковников	93	48	3		1						2	

Сохранились статистические отчеты войсковой канцелярии о количестве находившихся на службе казаков, поданные в Государственную Военную коллегию при вторжении армии Наполеона в России и по ее изгнанию из пределов государства. Эти отчеты позволяют установить примерное число донских казаков, принявших участие в Отечественной войне.

В течение второй половины 1812 года общее количество служилых казаков практически не изменилось. Но при этом число казаков, находившихся на службе непосредственно в полках, возросло на шесть тысяч. Приведенные в таблицах данные наглядно показывают, каким образом это было достигнуто: в армию были отправлены два рабочих полка, занятых на строительстве Новочеркасска; количество льготников уменьшилось в 20 раз; все наличные при войске казаки отправлены в полки.

В последнем отчете не отражены потери, которые понесли казачьи полки в армии, поскольку сведения в войсковую канцелярию поступали с большим опозданием. Не включены в отчет полки донского ополчения, прибывшие в Тарутино в сентябре 1812 г., поскольку формально они не состояли на службе. Общее число в последнем отчете примерно соответствует количеству казаков, принявших участие в Отечественной войне: в отчете не отражены 22 ополченческих полка, но учтены 22 полка, находившиеся на службе на окраинах империи. Поскольку штатное расписание донских полков совпадало, то можно утверждать, что в Отечественную войну сражались 51 тыс. донских казаков.

Количество донских полков, принявших участие в Отечественной войне 1812 года, удалось установить только в результате архивных поисков. Сделать это оказалось непросто, поскольку в то время еще сохранялась традиция наименования донских полков по фамилии полкового командира. Большинство казачих полковников принадлежали к немногочисленному кругу донской старшины, поэтому однофамильцев различали по номерам в войсковом списке, а соответственно и полки: Иловайского 3-го, Иловайского 4-го, Иловайского 5-го, Иловайского 9-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Иловайского 12-го. В документах, вышедших из русских штабов, эти порядковые номера указывались не всегда, что приводит к путанице. В 1812 г. несколько донских полков сменили наименования. В начале войны во 2-й Западной армии находился полк генерал-майора Денисова 6-го, но поскольку он был назначен на Дону наказным атаманом, его полк принял подполковник И.Г. Мельников 3-й. Этот храбрый офицер погиб в сражении 27 июля при Молевом Болоте, и полк получил войсковой старшина И.И. Жиров. Таким образом, в течение 1812 г. можно встретить три разных наименования одного и того же донского полка.

Ниже помещен список полков Войска Донского, принявших участие в Отечественной войне 1812 года. Он составлен на основе нескольких архивных документов, за основу для реконструкции был взят отчет Войска Донского за 1812 г.⁷

ПОЛКИ, НАХОДИВШИЕСЯ НА СЛУЖБЕ

Лейб-гвардии Казачий полк
Атаманский полк

1. Подполковника И.И. Андриянова 2-го.
2. Подполковника Ф.А. Барабанщикова 2-го.
3. Полковника В.А. Быхалова 1-го.
4. Войскового старшины М.А. Власова 2-го.
5. Подполковника М.Г. Власова 3-го.
6. Полковника П.М. Гордеева (затем генерал-майора И.К. Краснова 1-го, с 26 августа 1812 г. подполковника М.Г. Чернозубова 8-го).
7. Полковника А.Е. Грекова 4-го.
8. Генерал-майора П.М. Грекова 8-го.
9. Полковника А.Е. Грекова 9-го (бывший полковника И. Петрова, прибыл с Кавказской линии).
10. Войскового старшины И.В. Грекова 21-го.
11. Генерал-майора А.К. Денисова 6-го (затем подполковника И.Г. Мельникова 3-го, с 27 июня 1812 г. войскового старшины И.И. Жирова).
12. Генерал-майора В.Т. Денисова 7-го.
13. Полковника Г.А. Дячкина.
14. Генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го.
15. Генерал-майора Н.В. Иловайского 5-го.
16. Подполковника С.Д. Иловайского 8-го (с 10 июля 1812 г. подполковника Т.Д. Грекова 18-го).
17. Полковника О.В. Иловайского 10-го.
18. Полковника Т.Д. Иловайского 11-го.
19. Полковника В.Д. Иловайского 12-го.
20. Полковника И.И. Исаева 2-го.
21. Генерал-майора А.А. Карпова 2-го.
22. Войскового старшины П.А. Киреева 2-го.
23. Войскового старшины Д.Д. Комиссарова.
24. Подполковника Ф.А. Кутейникова 4-го.
25. Подполковника И.Г. Лащина.
26. Полковника Г.А. Луковкина 2-го.
27. Майора Ф.Ф. Мелентьева 3-го (затем войскового старшины Д.Ф. Горина).
28. Полковника Н.Г. Мельникова 5-го.
29. Майора С.И. Пантелеева 2-го.
30. Подполковника И.И. Платова 4-го.
31. Войскового старшины М.Д. Платова 5-го.
32. Полковника М.И. Родионова 2-го.
33. Майора И.А. Селиванова 2-го.
34. Войскового старшины С.И. Семенченкова (бывший войскового старшины Н.Б. Рубашкина, прибыл с Кавказской линии).
35. Подполковника И.Ф. Слюсарева 2-го (с 15 июня 1812 г. войскового старшины Г.Г. Мельникова 4-го).
36. Полковника В.А. Сысоева 3-го.
37. Подполковника И.Г. Турчанинова 1-го (бывший майора А.И. Исаева 4-го).
38. Подполковника К.И. Харитонова 7-го.
39. Войскового старшины А.Ф. Чикилева 1-го.
40. Войскового старшины В.А. Кутейникова 6-го.
41. Войскового старшины И.Г. Попова 13-го.
42. Полковника А.А. Ягодина 2-го (рабочий полк).
43. Войскового старшины А.М. Гревцова 2-го (рабочий полк).

1-я рота донской артиллерии войскового старшины П.Ф. Тащина.

2-я рота донской артиллерии войскового старшины П.В. Суворова 2-го.

ПОЛКИ ОПОЛЧЕНИЯ

1. Подполковника И.А. Андриянова 1-го.
2. Войскового старшины И.И. Андриянова 3-го.
3. Полковника С.А. Белгородцева 1-го.
4. Генерал-майора Д.Е. Грекова 1-го.
5. Генерал-майора Б.А. Грекова 3-го.
6. Полковника С.Е. Грекова 5-го.
7. Войскового старшины А.Д. Грекова 17-го.
8. Майора И.И. Данилова 2-го.
9. Майора С.М. Ежова 2-го.
10. Генерал-майора А.В. Иловайского 3-го.
11. Полковника Г.Д. Иловайского 9-го.
12. Полковника И.И. Кошкина 1-го.
13. Полковника П.П. Попова 3-го.
14. Войскового старшины В.Т. Ребрикова 3-го.
15. Полковника А.Ф. Слюсарева 1-го.
16. Подполковника Н.С. Сулина 9-го.
17. Войскового старшины И. Сучилина 2-го.
18. Войскового старшины Я.А. Траилина.
19. Полковника И.Ф. Чернозубова 4-го.
20. Полковника С.Г. Чернозубова 5-го.
21. Войскового старшины К.И. Шамшева.
22. Подполковника П. Шумкова (затем войскового старшины А.Е. Галицына).

Войско Донское выставило в 1812 г. 67 казачьих полков (в том числе лейб-гвардии Казачий и Атаманский) и две роты донской конной артиллерии для войны с Наполеоном⁸. Еще 22 донских полка несли службу на окраинах империи. В Херсонской и Таврической губерниях: П.В. Янова 2-го, А.Ф. Мелентьева 2-го; в Финляндии: Д.М. Киселева 2-го.; в Молдавии: Е.Н. Астахова 5-го; на Кавказской линии: М.С. Агеева 3-го, А.Е. Сафонова 1-го, М.Р. Рябинина, Т.С. Ильина, П.З. Сычева 3-го, Г.С. Самойлова, Ф.А. Араканцева, Г.И. Молчанова 2-го; в Грузии: М.И. Балабина 1-го (командующий есаул Поляков), И.М. Агеева 2-го, И.А. Поздеева 8-го, Е.М. Ежова 1-го, З.Л. Краснова 3-го, Ф.Р. Богачева, Ф.Р. Извалова, А.К. Данилова (Миллера), Д. Попова 16-го; в Персии: И.П. Сысоева 2-го.

Таким образом, в 1812 г. войско Донское выставило на девять полков больше, чем это регламентировалось Положением 1802 года. В суровое для России время донские казаки пришли ей на помощь, выступив почти поголовно на защиту государства. Генерал И.И. Краснов вспоминал о положении на Дону накануне 1812 г., когда большинство служилых казаков уже находились в полках: «В то время полки за полками беспрестанно выходили с Дона на службу, а в старые полки высылались частые команды для пополнения убыли; со службы же полки давно уже не возвращались, и многие из них находились там лет по десяти и более; приходили оттуда на Дон, и то не часто, израненные да калеки, так что, наконец, увидеть в станице казака, способного для службы, сделалось большой редкостью»⁹.

В 1-й и 2-й Западных армиях были сформированы отдельные казачьи отряды: при 1-й армии — казачий корпус атамана

М.И. Платова (10 казачьих полков и рота донской артиллерии); при 2-й армии — казачий отряд генерал-майора Н.В. Иловайского 5-го (8 донских полков и рота донской артиллерии). Платов при назначении генералов и полковых командиров в отдельные отряды учитывал не только их личные качества, но и родственные связи. Об этом свидетельствует его рапорт Барклаю де Толли: «Во исполнение предписания вашего Высокопревосходительства с № 319-м, доношу: что в помощь генерал-майору Иловайскому 5-му для командования иррегулярными полками во второй армии состоящими, по немалому оных числу, назначаю генерал-майора Карпова 2-го по достоинству его и по родству почти со всеми тамо полковыми командирами (курсив мой. — А.С.), для лучших успехов по службе и внутренним один другому пособий, которого полк необходимо нужно перевести из первой армии во вторую; ибо в Донском войске генералы, имеющие свои полки, должны быть с ними ни в каком случае неразлучны потому, что все исправление мундирами, оружием и лошадьми как из собственности производимое состоит на их попечении и ответственности, и в имеющихся в полках вспомогательных от войска деньгах обязаны давать войсковому правительству отчет, а нередко употребляют и свои на счет фуражных сумм. В замену же полка Карпова 2-го перевести из второй в первую армию полк подполковника Андриянова по способности родства и связи (курсив мой. — А.С.). По теперешнему же расположению оные полки находятся один от другого не более 350-ти верст, следовательно и могут перейти в назначаемые места по легкости полков казачьих не более как в десять дней, а если надобность потребует ускорения, то и менее»¹⁰.

Благодаря такой расстановке командных кадров, полковые командиры донских полков, назначенные в один отряд, были связаны не только общим происхождением, но и родственными связями. Казачьи отряды были вполне самостоятельными, их обособленность от регулярных полков едва не стала причиной серьезного кризиса в русской армии в сентябре 1812 г.

Исконно независимое Войско Донское стало частью Российской империи только в начале XVIII в., в результате подавления казачьего восстания под руководством Кондратия Булавина. Петр I стал назначать донских атаманов и подчинил войско Военной коллегии. В течение всего XVIII в. казаки пытались сохранить остатки своих былых прав и привилегий, атаман С.Д. Ефремов пошел даже на открытый конфликт с имперской властью, закончившийся его ссылкой в Пернов в 1772 г. На Дону обо всем этом помнили — достаточно сказать, что М.И. Платов приходился зятем опальному Ефремову.

Генерал-адъютант А.И. Чернышев, командовавший казачьими отрядами в 1812–1814 гг., писал, что среди донских офицеров «всегда замечались мечтательные мысли на счет самостоятельности их отчизны». Это подтверждают и события на Дону после Февральской революции 1917 г.: общество офицеров в Новочеркасске

постановило собрать войсковой круг, на котором был избран войсковой атаман из казаков, а затем провозглашена независимость от России.

Оказывается, еще в 1812 г. французская разведка подталкивала казаков к подобному шагу. В ее деятельности казачья тема занимала особое место. В 1811 г. один из французских агентов, находившийся в России, доносил: «...если вспыхнет война, казаки, которые очень недовольны, будут плохо сражаться, и легко можно поднять их на восстание, обещая им независимость»¹¹. Английский представитель при Главной квартире русской армии в 1812 г. Р. Вильсон в одном из своих писем к лорду Кэткарту назвал французов «хищниками, пришедшими с тем, чтобы отторгнуть от России Польшу, произвести в самой России революцию и взбунтовать донцов, как народ, к которому они имеют особенное уважение и благорасположение которого желают снискать ласкою»¹². Впрочем, в действиях французской разведки не проглядывало ничего необычного: Россия вынашивала планы поднять восстание славян на территории Австрийской империи и интриговала с извечно оппозиционными венскому правительству венграми.

Заигрывание иностранной разведки с казаками началось еще накануне войны. Об этом свидетельствует записка императора Александра I 1811 г., хранившаяся среди секретных бумаг в его кабинете до самой смерти: «Несколько тому месяцев посланы были тайным образом в Войско Донское шпионы из поляков, чтобы удостовериться, не удастся ли составить раздор и нажить сообщников в войске; но как сим людям были строгие повеления беречься паче всего себя обнаружить, то они и возвратились без всякого успеха. Предлогом их поездки служило желание купить лошадей, и для сего они ездили под именем украинских жителей. Ныне готовят вторую попытку, и на сие хотят употребить какого-то *Мазаковского*, служившего прежде в российской армии тому лет с 15-ть, и который, по словам его, имеет довольно знакомство в войске. Ему сопутником придается некий *Турски*, варшавский житель. Их комиссия в том состоит, чтобы уверить казаков, что они некогда будут независимы от России и что тогда могут они выбрать князя из своих. Им велено в большие обещания от имени Франции не входить, но стараться соблазнять умы и делать себе сообщников» (курсив док. — А.С.)¹³.

Предпосылки для происков французской разведки безусловно имелись. Не только простые казаки, но и многие донские генералы, проводившие всю жизнь на службе в русской армии, считали себя чуждыми ей. Это подтверждает известный инцидент с письмом донского генерала И.К. Краснова, о котором рассказали в своих мемуарах А.П. Ермолов и Д.В. Давыдов. Этот генерал был ближайшим сподвижником атамана Платова, и, вызывая его в армию, он писал: «Вы мой соотечественник; надеюсь иметь в вас и доброго помощника»¹⁴. Краснов командовал бригадой в казачьем корпусе, но в бурное время отступления русской армии к Москве, его назначили

в кавалерийский отряд генерал-майора И.Г. Шевича. Краснов получил генеральский чин раньше Шевича, поэтому считал себя обиженным и посетовал на это в письме к атаману: «Признаюсь откровенно и чистосердечно, ежели я служу, то единственно для приверженности к особе Вашей. Милости, кои Вы сделали для меня, без пощады да прольют кровь мою до последней капли. Мне не нужны ни чины, ни другие награды; лишь бы служба моя соответствовала желанию Вашему; *быть же посрамленным противу чуждых, ей, не могу*»¹⁵. Оказывается, донской генерал считал генералитет русской армии чуждым. М.И. Платов имел неосторожность переслать это письмо начальнику штаба 1-й армии А.П. Ермолову, который сумел поставить на место донских генералов, что видно из его приписки-комментария: «Генерала Платова просил я узнать от генерала Краснова, называющего русских чуждыми, с какого времени почитает он войско Донское союзным, а не подданным Российского Императора? От генерала Платова не было на сие ответа»¹⁶. Если подобные настроения блуждали среди донского генералитета, обаянного российской властью своим главенствующим положением в войске, то что говорить о простых казаках!

Из мемуаров бригадного генерала А. ван Дедема видно, что французское командование вскоре после начала войны искало прямых контактов с казаками. Происходило это в июле, когда французская армия находилась под Витебском: «Попробовали вступить в переговоры с казаками, которым пообещали создать собственное независимое государство. Ответ от них получился неопределенный и уклончивый. Казаки совсем не верили в наш успех. Они хотели видеть более ясные результаты, прежде чем компрометировать себя перед Россией, и они дали нам понять, что не видят никакой выгоды в том, чтобы, избавясь от русского владычества, попасть под иго Наполеона, который предлагал им перемену деспотизма, давая лишь слабую надежду на будущую свободу»¹⁷. Когда Наполеон занял Москву, контакты с казаками стали более насыщенными, причем последние охотно поддерживали переговоры, но использовали их с пользой для русской армии, чем сильно поспособствовали успеху Тарутинского марш-маневра.

Наполеон высказал недовольство вялым преследованием русской армии, оставившей древнюю столицу, и отправил в авангард Мюрата. Однако и после приезда Мюрата дневные марши французского авангарда сводились к простой перемене места. Коленкур в своих мемуарах отметил: «Чтобы оправдать свою медлительность, король заявлял, что он бережно относится к казакам, так как они не хотят больше сражаться против нас; если бы он даже и атаковал их, они, по его словам, не стали бы стрелять по нашим войскам; одним словом, они уже не обороняются и, по-видимому, не сегодня-завтра покинут русскую армию; с другой стороны, король замечал, что крестьяне очень недовольны своим положением и многие из них поговаривают уже об освобождении»¹⁸. Однако вскоре Мюрат испытал жестокое разочарование: «До сих пор он

все время вел переговоры с казачьими начальниками. Он подарил им свои часы, свои драгоценности и охотно отдал бы им свою рубашку, если бы не открыл, что, пока эти милые казаки ублажали его и удерживали на Казанской дороге, русская армия под прикрытием их маневров уже пять дней тому назад перешла на Калужскую дорогу, совершив этот переход ночью при свете огней московского пожара»¹⁹. Таким образом, казаки держали Мюрата в неведении относительно истинного направления движения русской армии в течение пяти дней.

Во время пребывания русской армии в Тарутинском лагере Мюрат неоднократно появлялся перед русскими аванпостами и вновь пытался вступить в переговоры с казаками. Как свидетельствует Ф. Сегюр: «Командиры казаков дошли даже до того, что притворялись восхищенными и говорили, что признают императором только того, кто царствует в Москве. На мгновение Мюрат готов был даже подумать, что они не будут сражаться против него! Он зашел так далеко, что Наполеон, читая его письмо, однажды воскликнул: "Мюрат, король казаков? Что за глупость! Людям, которые всего достигли, могут приходиться в голову всевозможные идеи!"»²⁰.

Оказывается, что обнадеживающие переговоры казаки вели не только с Мюратом, но и на других участках фронта. Вот что писал в своих мемуарах вестфальский подполковник Л. Конради, чей батальон занимал Верей: «Правда, разведывать у нас было почти нечего, так как все самое важное: силу, цели и деятельность батальона русские знали уже давно; об этом позаботились казаки, которые с конца сентября ежедневно появлялись перед городом и наблюдали за нами. Их поведение было чрезвычайно миролюбивым. Всеми возможными способами они пытались внушить нам доверие к себе, щедро предлагали водку и хлеб и поочередно пили за здоровье Наполеона и своего царя. Все снова и снова они говорили, будто бы больше не будут участвовать в войне, так как гетман граф Платов, согласно их конституции больше не обязан воевать и возвратился домой. Впрочем, я не верил ни одному их слову и настойчиво предостерегал свой батальон от близкого знакомства с сыновьями степей»²¹. Возможно, подобное поведение казаков на аванпостах было следствием опыта, приобретенного в войнах с восточными народами. Там переговоры, во время которых собирали необходимую информацию, представляли распространенный прием.

В русской армии казаков и их атамана небезосновательно подозревали в сношениях с неприятелем. Граф Ф.В. Ростопчин писал императору из Главной квартиры армии: «Я старался узнать образ мыслей Платова. Я жил рядом с ним. Он суетен, болтлив и отчасти пьяница. Я заключил, что теперь не следует раздражать этого человека. По неудовольствию Кутузов преследует его, а тот носится с вредными замыслами, говорит, что *Бонапарт делал ему и казакам предложения, что при дурном обороте дел он знает, как ему по-*

ступить, что казаки за ним пойдут (курсив мой. — А.С.) и пр.»²² По чьей инициативе Ростопчин решил присмотреть за опальным атаманом, сказать трудно, вполне вероятно, что по личной. С Платовым он был достаточно хорошо знаком: атаман останавливался в его доме, в переписке с третьими лицами Ростопчин называл его «кум Матвей», возможно, они состояли в свойстве²³.

Действительно, в тех обстоятельствах фигура войскового атамана М.И. Платова приобрела огромное значение. Платов всегда подчеркнуто выражал преданность всероссийскому престолу и демонстративно встречал присланных от императора флигель-адъютантов поясными поклонами²⁴. Однако к русскому генералитету, в том и числе и главнокомандующим, он относился без подобострастия и даже требовал от них проявления уважения к занимаемому им посту и высокому чину генерала от кавалерии. Это обстоятельство сильно ограничивало главнокомандующих в распоряжениях донскими полками. Они были вынуждены соглашаться на наличие в армии крупного казачьего корпуса, в то время как характер казачьей службы предполагал формирование небольших маневренных отрядов. После Бородинского сражения и неудачной попытки русского арьергарда задержать французскую армию под Можайском Кутузов отстранил Платова от командования, но столкнулся с сопротивлением донского генералитета и офицерского корпуса, преданных своему предводителю. Отстранение донского атамана от командования было несвоевременным и непродуманным решением, спровоцировавшим кризис в управлении донскими полками.

В синхронных источниках — переписке и дневниках русских офицеров — есть прямые указания на распространившиеся в сентябре слухи об измене Платова и казаков. Эти слухи широко обсуждали не только офицеры на бивуаках, — они достигли Петербурга²⁵. Интересно, что в мемуарах подобные свидетельства встречаются значительно реже²⁶. Воспоминания офицеров армии Наполеона свидетельствуют о том, что они знали об опале атамана, следили за развитием событий, доверяя совершенно баснословным известиям, доходившим из русского лагеря²⁷. Отстранение от командования донского атамана и возможная измена донских казаков активно обсуждались в обеих противоборствующих армиях в течение всего сентября. Современники считали такой поворот событий вполне вероятным. Пожалуй, даже отъезд из армии бывшего главнокомандующего Барклея де Толли не имел такого резонанса.

Однако никакой измены со стороны верноподданных казаков не было, вместо этого донские полковые командиры прибегли к пассивной форме протеста. После отстранения Платова от командования, большинство полковых командиров оставили службу, сказавшись больными. 15 и 17 сентября произошли арьергардные стычки при деревне Чириково, по поводу первой из них очевидец событий и историк Д.П. Бутурлин писал: «Служба наших аванпостов на правом берегу Пахры, находившихся под начальством одно-

го казачьего полковника, фамилии которого я более не помню, управлялась с такою небрежностью, что неприятель проник до нашего лагеря, не встретив ни малейшего патруля»²⁸. После этого Кутузов был вынужден обратиться к Платову с официальным запросом: «Известился я, будто командиры полков Войска Донского при армии заболели почти все. Таковое известие не могло меня не оскорбить, и я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с просьбою уведомить меня в откровенности без отлагательства о причине странного сего случая. Хотя, правда, и не даю я оному полной веры, ибо теперешнее положение нашего Отечества одно весьма сильно возбудит каждого из нас преодолевать всякие трудности и самой жизни не щадить, о чем я излишним даже считаю напомнить вам. Впрочем, если известие, ко мне дошедшее, справедливо, что все полковые командиры заболели, в таком разе я обязан буду довести о сем до сведения Государя Императора, между тем не упущу и мер принять, какие Высочайшая власть представляет мне по долгу службы»²⁹. Платов находился при Главной квартире, но на запрос главнокомандующего ответил только спустя два дня рапортом, в котором подчеркнул, что отстранен от командования: «Примите истинное мое перед вами оправдание: первое то, что я не командую ими, второе, что я по одним слухам знаю, кто в какой части находится. Полки казачьи ко мне не относятся рапортами и никто не дает знать, куда какой полк определен, и под чьим командованием — я не сведом»³⁰.

В результате этого инцидента, замалчиваемом отечественными историками, Платов добился своего. Чтобы восстановить управление донскими полками в армии, Кутузову пришлось вернуть атаману командование ими и поручить отдельный корпус. 23 сентября Кутузов сообщил императору о своем намерении дать Платову корпус из 10 — 12 полков донского ополчения, прибытие которых ожидалось через неделю, для действий на коммуникации неприятеля³¹.

После прибытия донского ополчения и первых успехов под Малоярославцем и Медынью Платов сам написал императору, очевидно, не полагаясь на справедливое освещение его деятельности в рапортах главнокомандующего. По сути это был рапорт, но чтобы не нарушать субординацию, атаман оформил его как личное письмо. Немаловажная деталь: именно в этом письме Платов сообщил о поимке еще 5 августа на Дону шпиона, польского полковника графа А. Плятера, которого он приказал доставить в Главную квартиру. На оригинале письма имеется резолюция Александра I: «Графское достоинство»³². Так Платов получил долгожданный титул: за прибытие полков донского ополчения, за первые успехи этих полков в боях и за поимку неприятельского агента, разезжавшего по донским станицам.

Преследование отступающих неприятелей до границ России стало звездным часом для донских казаков³³. Как отметил в своих мемуарах один строевой русский офицер, удивленный количест-

вом казачьих трофеев: «Долго будут казаки вспоминать золотое время кампании 1812 года, да и французы не скоро забудут казаков...»³⁴ Донские части шли впереди армии, и, как правило, действовали обособленно от регулярных полков, успехи в боях приносили казакам богатую добычу. Русское командование было довольно казаками, они же были довольны тем, как разворачивались события.

24 июня 1814 г., спустя три месяца после победоносного вступления союзной армии в Париж, Барклай де Толли направил Платову письмо с благодарностью Войску Донскому за отличие в войнах 1812 — 1814 гг.: «В то незабвенное время, когда непобедимое воинство Русское спасало Отечество свое от руки сильного врага, на низложение его устремлявшегося, в то самое время воинство Донское, Вашим Сиятельством предводительствуемое, прославилось себя новыми и бесчисленными доводами приверженности ко Всеавгустейшему Монарху и усердия к пользе общей». Из текста видно, что Барклай де Толли воспринимал Войско Донское как некую обособленную часть русской армии, для чего, оказывается, у него имелись все основания. Далее в письме содержится подтверждение этого интересного для современного читателя наблюдения: «Наконец, когда победоносные войска всемирночестивейшего к нам и сострадательного к несчастиям других народов Государя нашего, изгнав с лица земли своей все силы вражьи, обращены были на освобождение от ига его чужих земель, полки Донские, сподвизаясь им повсюду, достойно разделяли с ними славу защитников Германии, избавителей самой Франции и восстановителей мира в Европе»³⁵. Иными словами, главнокомандующий видел в донцах сподвижников или союзников русской армии, а не ее структурную часть.

Однако император Александр I придерживался другой точки зрения, что дал почувствовать Войску в 1817 г. при вручении очередного Георгиевского знамени. Пожалование русским монархом Войску подобных знамен имело давние традиции, первое из них было прислано на Дон царем Михаилом Федоровичем в 1614 г. Каждое знамя имело надпись, в которой сообщалось, за какие заслуги оно пожаловано. Текст надписи утверждался лично императором, поскольку в нем содержалась этикетная форма обращения к Войску Донскому. Так, Георгиевское знамя, пожалованное в 1811 г., имело следующую надпись: «Вернолюбезному войску Донскому, за оказанные им заслуги в продолжении кампании против Французов 1807 года»³⁶. В 1817 г. Александр I затребовал подробное описание всех прежде пожалованных войсковых регалий и утвердил такую надпись: «Верноподданному Войску Донскому, в ознаменование подвигов, оказанных в последнюю Французскую войну в 1812, 1813 и 1814 годах»³⁷. В обращении к войску изменилось характеризующее его слово, причем это изменение можно было трактовать как возвращение к петровским традициям — Петр I обращался к Войску именно так. Но в данном случае изме-

нение в этикетной форме обращения предзнаменовало новое наступление российской власти на сохранявшиеся за Войском права. Спустя год был учрежден Комитет об устройстве Войска Донского, в результате деятельности которого войсковые атаманы окончательно утратили свое былое значение, а донское казачество признано «особым военным сословием».

¹ Рескрипт императора Александра I графу М.И. Платову от 8 января 1813 г. // Русский вестник. 1914. Кн. 2. С. 82–83.

² Ведомость штатной и наличной численности армии по родам войск и общей к 1 января 1805 и 1806 г. // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. IV, ч. 1, кн. 2. Отд. 2. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. Вып. 1 (1801–1805 гг.). СПб., 1902. С. 388–389.

³ Указ от 29 сентября 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. (Далее: ПСЗРИ-1). Т. XXVII. С. 276–277. № 20.436.

⁴ Указ от 31 августа 1803 г. // ПСЗРИ-1. Т. XXVII. С. 875. № 20.921.

⁵ Указ от 24 августа 1803 г. // ПСЗРИ-1. Т. XXVII. С. 858. № 20.906.

⁶ Цит. по: Денисон Дж. История конницы. М., 2001. С. 364–365.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив. (Далее: РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 135.

⁸ Полк Киреева 2-го включен в этот список, поскольку он фигурирует во многих расписаниях действующей армии и отчете Войска Донского. Основная часть полка несла пограничную службу по Днестру, но в армию была отправлена достаточно многочисленная команда от этого полка.

⁹ Краснов И.И. Воспоминания старого казака // Военный сборник. (Далее: ВС.) 1873. № 12. С. 364.

¹⁰ Рапорт М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли от 20 марта 1812 г. // РГВИА. Ф. 29. Оп.1/153а. Св. 567. Д. 12. Л. 1–2.

¹¹ Цит. по: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 83.

¹² Письмо Р. Вильсона к лорду Кэткарту от 8 (20) октября 1812 г. // Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813 гг. СПб., 1995. С. 185.

¹³ Копия записки хранится в архиве историка Н.К. Шильдера. См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. (Далее: ОР РНБ.) Ф. 859. К. 28. № 12. Л. 3.

¹⁴ Жизнь и военные подвиги войска Донского генерал-майора Ивана Кузьмича Краснова 1-го // Русский вестник. 1817. № 3/4. С. 17.

¹⁵ Письмо И.К. Краснова к М.И. Платову от 15 августа 1812 г. // Колюбакин Б.М. Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение. СПб., 1912. Кн. 1. С. 267. Историк Б.М. Колюбакин при публикации выделил последние слова курсивом.

¹⁶ Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1862. Ч. 1. Приложения. С. 206–207.

¹⁷ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 79.

¹⁸ Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С.155.

¹⁹ Там же. С.156.

²⁰ Сегюр Ф. Поход в Россию. Записки адъютанта Наполеона. М., 1916. С. 206.

²¹ Попов А.И. Налет отряда И.С. Дорохова на Верею // II этап Отечественной войны 1812 года: Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 53.

²² Письмо Ф.В. Ростопчина императору Александру I от 21 сентября 1812 г. // Русский архив. 1892. № 8. С. 546.

²³ Письмо Ф.В. Ростопчина к А.А. Закревскому от 16 января 1813 г. // Сборник Имп. Русс. ист. об-ва. СПб., 1890. Т. 73. С. 461.

²⁴ Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I. М., 1914. С. 238–239.

²⁵ Письмо М.С. Воронцова к Н.М. Лонгинову от 20 октября 1812 г. // Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 264–265; Сидманский Л.А. Журнал участника войны 1812 года // Военно-исторический сборник. 1913. № 2. С. 168–169; Волконский Д.М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 144.

²⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Записки: 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 154.

²⁷ Записки современников о 1812 году (граф Боволье) // Русская старина. 1893. № 1. С. 26; Любюск Л. Письма о войне в России 1812 года. М., 1833. С. 144.

²⁸ Бутурлин Д.П. Кутузов в 1812 году // Русская старина. 1894. № 10. С. 218.

²⁹ Предписание М.И. Кутузова М.И. Платову от 17 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов: сб. док. М., 1955. Т. 4, ч. 1. С. 317–318.

³⁰ Отечественная война 1812 года: мат. Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1914. Т. XXI. С. 296. Это письмо атамана в канцелярии главнокомандующего хранили среди секретных бумаг.

³¹ Записка М.И. Кутузова от 23 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов: сб. док. С. 374.

³² Рапорт М.И. Платова императору Александру I от 18 октября 1812 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., Вып. 11. 1902. С. 78.

³³ О действиях казаков во время преследования см.: Сапожников А.И. О действиях корпуса Платова в октябре–декабре 1812 г. // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: мат. всеросс. науч. конф. Саратов, 2002. С. 142–149.

³⁴ Записки А.И. Антоновского // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1904. Вып. 3. С. 205–207.

³⁵ Цит. по: Смирной Н.Ф. Жизнь и подвиги графа М.И. Платова. М., 1821. Ч. 3. С. 79–82.

³⁶ Высочайшие грамоты и регалии, пожалованные Войску Донскому / Под ред. Х.И. Попова. Новочеркасск, 1887. С. 16.

³⁷ А.Г. Донская старина // Казачий вестник. 1883. № 46. С. 1–2.